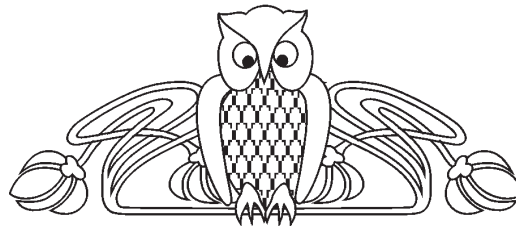

Научная статья
УДК 101.1:316
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>

Совесь и идеология

С. И. Мозжилин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Аннотация. Целью статьи является анализ взаимосвязи феномена совести и идеологии. Используются психоаналитический и культурно-исторический подходы, применяются методы критической философской рефлексии и диалектической логики. Совесть рассматривается как способность человека критически оценивать свои мысли и поступки в соответствии с личными представлениями о должном. При этом внимание концентрируется на факте присущности чувств стыда и совести всем людям, поскольку они являются фундамирующими в механизмах сознания и самосознания человека. Собственно их наличие и выступает в качестве одного из главных признаков, отличающих человека от других животных. В свою очередь представления о должном динамичны, поскольку их закрепляют конкретные акторы культурно-исторического процесса, коими являются личности, определившие со своим пониманием должного, ценностями и путями их достижения, имеющие достаточную волю к убеждению в верности собственных ориентиров. Но далеко не все идеалы задают прогрессивную, гуманистическую направленность. В работе подчеркивается, что никакие личные представления о должном не могут обрести форму общей идеологии, если в них не отражены в той или иной степени материальные интересы большей части общества. В то же время логика исследования приводит к выводу о том, что отсутствие общей идеологии, пропагандирующей гуманистические ценности, усугубляет нравственную дезориентацию представителей современного российского общества, снижая уровень самоконтроля, обеспечиваемого позволениями совести.

Ключевые слова: идеал, идеология, совесть, стыд, долженствование, нравственность, нарциссизм

Для цитирования: Мозжилин С. И. Совесть и идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 148–152. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>

Conscience and ideology

S. I. Mozhilin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the relationship between the phenomenon of conscience and ideology. The work uses psychoanalytic and cultural-historical approaches, the methods of critical philosophical reflection and dialectical logic are applied. Conscience is viewed as a person's ability to critically assess his or her thoughts and actions in accordance with personal ideas about what should be done. At the same time, attention is focused on the fact that feelings of shame and conscience are inherent in all people, since they are fundamental in the mechanisms of human consciousness and self-consciousness. Actually, their presence acts as one of the main features which distinguish humans from other animals. In turn, ideas about what is due are dynamic, since they are fixed by specific actors of the cultural and historical process, who are individuals who have determined their understanding of what is due, values and ways to achieve them, who have sufficient will to convince others that their guidelines are correct. But not all ideals set a progressive, humanistic direction. At the same time, the work emphasizes that no personal ideas about what should be done can take the form of a general ideology if they do not reflect, to one degree or another, the material interests of the most part of society. At the same time, the logic of the study leads to the conclusion that the absence of a common ideology that promotes humanistic values aggravates the moral disorientation of representatives of modern Russian society, reducing the level of self-control provided by conscience.

Keywords: ideal, ideology, conscience, shame, duty, morality, narcissism

For citation: Mozhilin S. I. Conscience and ideology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 148–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В настоящее время все страны мира втянуты в глобализационный процесс. В условиях капиталистической системы распределения благ неминуемо возрастает потребность в национальной идентичности, поскольку если считать себя гражданином мира, то надо смириться с необходимостью выживания в одиночку, без консолидации с соотечественниками. Продуктивная консолидация возможна только на основе общей идеологии, отражающей интересы большинства представителей нации. Но любая идеология содержит в себе не только экономические, но и этические компоненты. Этическая составляющая неразрывно связана с решением вопроса путей достижения экономических целей. И, вероятно, банально говорить о том, что те или иные способы достижения материального благосостояния неминуемо касаются позволений совести и тех, кто их предлагает, и тех, кому они предлагаются. В этой связи философский анализ взаимосвязи проявлений чувства совести и идеологии имеет особую значимость.

Людям свойственно призывать друг друга к совести. При этом многие полагают, что совесть есть глас некой всеобщей справедливости, глас Божий. Быть может, это и так, но надо признать, что данное полагание основывается только на вере и личном убеждении. К тому же, если следовать религиозной логике, вещать может и лукавый. Наглядно лишь, что совесть всегда связана с актами рефлексии самого себя, со способностью критически оценивать свои мысли и поступки, переживая их несоответствие личным нравственным установкам. Как известно, эти установки весьма вариабельны и для разных культур, и культурно-исторических эпох, и для отдельных представителей общества. Поэтому несколько наивно полагать, что призывая человека к совести, мы побудим его действовать в соответствии с нравственными установками, которыми сами руководствуемся или считаем должными. Заметим, что по сути бессовестных людей не бывает. Понятие «бессовестный человек» – обыденное выражение, поскольку стыд и совесть являются фундаментальными чувствами, отличающими человека от других животных. Не испытывая чувство стыда, человек не улучшал бы свою биологическую природу. Он не создавал бы какие-либо культурные ценности, реализуя инстинкты прямо, не преломляя их энергию, согласуя с представлениями о должном, облачаясь в лицо.

Какой бы ни был человек, конечно, если он психически здоров, ни на йоту не может возвыситься над биологической природой, не испытав стыд и не облачившись при этом в лицо. А со-

весть, хотя и не тождественна, но неразрывно связана со стыдом, являясь результатом позыва бессознательной доминанты, образовавшейся в результате фиксации психического цензора поведения, отсутствующего в чувственном опыте, побуждающего человека к незавершаемым актам идентификации с иным, вместе с тем порождая и саморефлексию. Более того, без этой доминанты не было бы ни религиозных представлений о Боге, ни языка, потому никто не размышлял бы ни о стыде, ни о совести [1]. В этой связи заметим, что высказывания «некультурный человек» и «бессовестный человек» всегда опираются на личные представления о культуре и совести. По большому счету данные высказывания подразумевают, что человек, к которому они обращены, не соответствует требованиям культуры, адептом которой выступает его обвинитель в некультурности, и не испытывает стыд, а вместе с тем и муки совести за поступки, не соответствующие пониманию должного, уличающего в бессовестности. Все люди испытывают стыд и совесть, но должное понимают по-разному. Одним стыдно за то, что они обманом присвоили чужое, другим стыдно, что не удалось обмануть; одним стыдно за эгоистичное возвышение над другими, другим стыдно за уравнивание себя с окружающими, считая их менее достойными, и т.д. Другое дело, что все в той или иной степени вынуждены ориентироваться на общепринятые нормы долженствования, закрепленные господствующей культурой, к которой принадлежат, находясь как под социальным контролем, так и контролем органов власти.

Некоторых исследователей феномена совести не удовлетворяет ее определение как способности к самоконтролю и самооценке на основе представлений о должном. Например, Т. Г. Сердюк замечает, что в данном случае «становится непонятным, насколько рационалистична самооценка, насколько оптимален этот самоконтроль» [2, с. 200]. Конечно, ответ на этот вопрос можно получить, если проанализировать уровень разумности конкретного человека. Однако данное обстоятельство не умаляет значения отмеченного определения совести, поскольку дело не в рационалистичности, а в рационализации мыслей и поступков в соответствии с представлением о должном, которое по большому счету формируется социальными авторитетами и идеалами культуры. Важно помнить, что общепринятые нормы, определяющие рационализацию долженствования, не спускаются невесть откуда извне. Они имеют акторов, коими выступают конкретные люди, чей жизненный опыт и нравственная позиция служат ориентирами для окружающих.

И если этот опыт ценен для последующих поколений, эти личности становятся идеалами, определяющими направленность культурно-исторического процесса.

Безусловно, не у всех людей угрызения совести связаны с несоответствием их мыслей и поступков с пониманием должного, заданным идеалами культуры, в рамках которой они находятся. Собственно альтернативные идеалы долженствования и преподносят такие граждане. Но далеко не все из них становятся нравственными ориентирами для окружающих. Таковыми становятся только личности, определившиеся со своим смыслом жизни, имеющие при этом достаточную волю к убеждению в его верности окружающим. Заметим, что нравственные ориентиры, закрепляемые идеалами, составляют ядро любой идеологии. Именно представления таких личностей с сильной волей о том, как должно быть организовано общество и как достичь этой цели, становятся авторитетными в тот или иной момент истории для представителей различных социальных групп [3, с. 199]. В свою очередь эти представления могут выражать общегосударственную идеологию. В данном случае, замечает А. В. Рубцов, «...производство, обмен и расширенное воспроизводство идеологии обслуживается целым комплексом каналов и сетей, силовых структур и органов контроля, бюджетами и кадрами, экономикой и правом» [4, с. 20].

Не следует уповать на то, что направленность культурно-исторического процесса, заданная идеалами культуры, необратима, поскольку идеалы могут быть заменены. Большие возможности к такой замене имеются у людей, находящихся в тот или иной момент у рычагов государственного управления, способных оказывать влияние на массовое сознание. Далеко не всегда люди, волею сложившихся обстоятельств оказавшиеся у власти, способны составить достойный список идеалов в прогрессивном, гуманистическом отношении. Историческая память зафиксировала немало событий, когда пришедшие к власти пытались повернуть историю вспять, сводя на нет все духовные, гуманистические достижения человечества. Достаточно вспомнить идеалы и знаковые события, увековеченные идеологами фашистской Германии. Но, к счастью, эти люди, если их можно назвать людьми, ушли вместе со своим списком идеалов. Да и ушли они не сами по себе, а преимущественно по воле советского народа, заплатившего за их уход немалую цену, исчисляемую миллионами человеческих жизней, руководствовавшегося списком иных идеалов, представители которого презирали все формы

расовой и национальной дискриминации. Никто не может дать гарантии, что подобное не повторится. Впрочем, пусть не в таких глобальных масштабах, попытки увековечивания нацистов в качестве героев наблюдались всегда. Яркий пример – активизация нацистов в современной Украине.

Банально говорить, что построить общегосударственную идеологию, способную подтолкнуть массы к действиям, только на мифических идеалах невозможно. Ее формирование немислимо без реальных героев, которые здесь и сейчас воплощают свое понимание справедливости и смысла жизни, демонстрируя образцы поведения, становясь авторитетами для окружающих. Заметим, что авторитеты всегда являются одним из главных факторов сплочения любой социальной группы, определяют поведение и ценностные ориентиры ее представителей. Однако для формирования общегосударственной идеологии необходимы общие авторитеты, которые должны присутствовать во всех социальных стратах. Данный факт можно наблюдать, анализируя социальные страты Третьего рейха. «Истинного арийца», считавшего себя потомком мифического Зигфрида, мы обнаружим на всех уровнях социальной иерархии, начиная от руководства фашистской Германии и кончая служащим крематория в концлагере. При этом и руководители рейха, и служащий крематория не лишены были чувства стыда и мук совести. Эти чувства проявлялись в соответствии со спецификой их идеалов. Человеку, поверившему в то, что только он, «истинный ариец», имеет право на все прелести жизни, вероятно, было стыдно, и его мучила совесть, если он проявлял слабость и жалел какого-нибудь, по его убеждению, «недочеловека»: еврея, цыгана или славянина. И вряд ли возможно поверить, что эти «истинные арийцы» не имели материальной заинтересованности, следуя правилам долженствования, прописанными фашистскими идеологами, руководствуясь лишь стремлением к чистоте нации. Собственно нацию и необходимо было чистить, исходя из материальных интересов, дабы не делиться с «недоллюдьми». И это было воспринято в качестве должного большинством представителей немецкой нации. Безусловно, во времена господства национал-социалистической идеологии в Германии были люди, которые должное понимали иначе, испытывая стыд за происходящее варварство. Но они либо следовали за общей массой, либо оказывались в заключении или на эшафоте. В этой связи необходимо заметить, как бы ни формировались идеалы и кто бы ни был инициатором их формирования,

главное – насколько они воспринимаются обществом и какие возможности представляют для его существования: обеспечивают ли они прогрессивное не только в экономическом, но и в духовном аспекте развитие общества или обратят его в сторону варварства и дикости. К счастью, в истории российской нации не было моментов, когда нарциссические идеалы, подобные идеалам фашистской Германии, составляли бы ядро общегосударственной идеологии.

Безусловно, совесть многих представителей российского общества связана с пониманием должного, которое формировали православные идеалы культуры. Следует отметить, что советские идеалы не отрицали нравственные нормы православия, как, впрочем, и вообще общехристианские ценности. Более того, в советскую эпоху эти ценности не только провозглашались, но, пусть и с определенными искажениями, порой с воинствующим атеизмом, реализовывали в жизнь. Следует отметить, что и в современной российской культуре еще силен авторитет идеалов, ориентирующих на приоритетность общечеловеческих, гуманистических ценностей, демонстрирующих возвышение над эгоизмом и уважение к представителям других культур. Во всяком случае даже в условиях очередного экономического кризиса большинство представителей российского общества не скатываются до ориентации на нарциссические идеалы, позволяющие, говоря словами З. Фрейда, презирать представителей других культур, вознаграждая этим правом не только привилегированные классы, но и угнетенные [5, с. 109].

В постсоветскую эпоху укрепился авторитет потребителя, главным требованием которого является успешность в плане удовлетворения личных потребностей. Официально он не провозглашен в качестве идеала, но существует. Люди, избравшие его в качестве нравственного ориентира, также не лишены стыда и совести. Им стыдно от того, что окружающие замечают, что они мало потребляют или потребляют дешевые блага, а их совесть позволяет потреблять блага, не прилагая ни малейших усилий к их производству. Но люди, ничего не производящие, обречены деградировать. Конечно, желающих жить исключительно за счет других немало было во все времена, но они никогда не были в российской истории главенствующими ориентирами долженствования. Тем не менее одна часть российского общества продолжает ориентироваться на советские идеалы, другая выбирает в качестве образца успешного потребителя. Возникают коммуникационные риски,

которые не только оказывают воздействие на исторические воззрения отдельных личностей, но и провоцируют конфликты в духовной жизни общества в целом [6, с. 168].

В условиях отсутствия главенствующих ориентиров долженствования происходит нравственная дезориентация многих представителей российского общества. Кроме того, невозможно не согласиться с замечаниями, что все это «... усугубляется отчуждением от государства значительных слоев населения из-за разгула коррупции и слишком большого разрыва между различными стратами общества в получаемых доходах» [7, с. 156]. Надо полагать, что в таких условиях изменяют положение ограничительные рамки чувств стыда и совести. В этой связи обретает особую значимость вопрос о необходимости общей идеологии, ориентирующей на представления о должном, в котором преодолевается нарциссизм и утверждаются гуманистические ценности. Но вряд ли станет убедительной какая-либо идеология, какие бы гуманистические ценности она не провозглашала, если в ее содержании не будет моментов, сопряженных с материальными интересами большинства граждан.

В заключение отметим, что совесть и идеология диалектически взаимосвязаны. От того, какими ориентирами долженствования руководствуются люди, несовпадение с требованиями которых вызывает муки совести, зависит и то, какую идеологию они будут пропагандировать или каким идеологам будут следовать. В свою очередь господствующая идеология, закрепляя идеалы долженствования в сознании масс, умножает количество адептов. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что никакая идеология не может овладеть сознанием масс, если в ней не будет элементов, отражающих в той или иной степени материальные интересы большей части общества.

Список литературы

1. Мозжилин С. И. Гомогенность языка и религии : психоаналитический подход // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 61–69.
2. Сердюк Т. Г. Проблема определения совести в философии морали // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1 (70). С. 199–202.
3. Мозжилин С. И., Устьянцев В. Б. Идеалы культуры и цивилизационный код России // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 198–202.
4. Рубцов А. В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27.

5. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Избранное : в 2 кн. М. : Московский рабочий, 1990. Кн. 2. 176 с.
6. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170
7. Рязанов А. В., Морохова Е. И. Политическая культура России : динамика и направленность // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 154–157.
3. Mozzhilin S. I., Ustyantsev V. B. The ideals of culture and the civilizational code of Russia. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 2, pp. 198–202 (in Russian).
4. Rubtsov A. V. The Concept of the Ideological in the “Extreme” Expansion’, *Voprosy filosofii*, 2018, no. 7, pp. 18–27 (in Russian).
5. Freud S. Die Zukunft einer Illusion. Freud S. *Gesammelte Werke*: in 18 Bd. London, 1948, Bd. 14, S. 325–380 (Russ. ed.: Freud S. *Budushchee odnoy illyuzii*. In: Freud S. *Izbrannoe: v 2 kn.* Moscow, Moscovskiy rabochiy Publ., 1990. Kn. 2. 176 p.).

References

1. Mozzhilin S. I. Homogeneity of Language and Religion: The psychoanalytic approach. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universitetata. Seriya Gumanitarnie i socialnie nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”], 2018, no. 3, pp. 61–69 (in Russian).
2. Serdyuk T. G. The problem of defining conscience in the philosophy of morality. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2011, no. 2-1 (70), pp. 199–202 (in Russian).
6. Ustyantsev V. B. The Concept of Risk in the Problem Field of Social Sciences. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 160–170 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170
7. Ryazanov A. V., Morokhova E. I. The Russian Political Culture: Dynamics and Trends. *Manuscript* [Manuscript], 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 154–157 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.03.2021, после рецензирования 12.03.2021, принята к публикации 15.03.2021
Received 09.03.2021, revised 12.03.2021, accepted 15.03.2021